

Шастина Е. М. Анималистические образы в прозе Э. Канетти и А. П. Платонова / Е. М. Шастина, Н. Э. Сейбель // Научный диалог. — 2017. — № 1. — С. 105—116.

Shastina, E. M., Seybel, N. E. (2017). Animalistic Images in Prose by E. Canetti and A. P. Platonov. *Nauchnyy dialog, 1*: 105-116. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.112.2

Анималистические образы в прозе Э. Канетти и А. П. Платонова

© Шастина Елена Михайловна (2016), доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Елабужский институт) (Елабуга, Россия), e.shastina2104@gmail.com.

SPIN-код автора: 4658-6900

ORCID: 0000-0001-9551-5469

Researcher ID: O-3327-2016

Author ID: 55934731600

© Сейбель Наталия Эдуардовна (2016), доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе, Южно-уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия), seibel_ne@mail.ru.

SPIN-код автора: 2940-5240

AuthorID: 251662

Рассматриваются анималистические образы в прозе австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти (1905—1994) и русского писателя А. П. Платонова (1899—1951). Привлечены к сопоставительному анализу прозаические произведения Канетти и Платонова, относящиеся к различным жанрам (заметки, роман, рассказ, эссе). Авторы статьи используют термин *анималистический контекст*, поскольку в творчестве Канетти и Платонова присутствуют различные типы репрезентации отношения «человек — животное», различные манифестации анимализма — от мифологических образов животных до «смешения живых существ», когда границы между человеком и животным стерты, что позволяет сделать вывод об особом антропоморфном и зооморфном восприятии животных, характерном для обоих авторов. Поднимается вопрос о специфике функционирования анималистических образов, включенных в «анималистический контекст» Канетти и Платонова. Особое внимание при описании анималистических образов уделяется характеристике прогрессивных и регрессивных метаморфоз, происходящих с человеком и животным. Доказано, что исследование творчества Канетти и Платонова с учетом «анималистического контекста» представляется актуальным для выявления общих закономерностей развития европейской литературы и культуры первой трети XX века.

Ключевые слова: анимализм; анималистический контекст; антропоморфность; зооморфность; Канетти; Платонов.

«И вообразить невозможно, до чего опасным станет мир без животных» [Канетти, 1990а, с. 257]

«Человечество — без облагораживания его животными и растениями — погибнет, оскудеет, впадет в злобу отчаяния, как одинокий в одиночестве» [Платонов, 1985б, с. 542]

1. Введение

Э. Канетти (1905—1994) и А. П. Платонов (1899—1951) вошли в мировую литературу, пройдя проверку «большим временем»: их ранние произведения не вызвали ожидаемого отклика у современников, заслуженное признание к обоим авторам пришло значительно позднее — спустя десятилетия, поэтому и процесс осмысления их творческого наследия начался лишь во второй половине XX века. В новом столетии он набирает силу, поскольку слишком уж явными оказались описанные авторами на страницах разных по жанру произведений размышления о настоящем и предчувствия грядущего, для сегодняшнего читателя это возможность понять и «преодолеть» прошлое.

Отправным моментом, позволяющим включить обоих писателей в единую систему координат, является эпоха, которая сформировала их мироощущение и мировосприятие. Октябрьская революция 1917 года и сталинизм — для Платонова, распад Австро-Венгерской империи и диктатура Гитлера — для Канетти, а также две мировые войны, повлиявшие на становление эстетических взглядов русского-советского писателя Андрея Платоновича Платонова (Климентова) и австрийского писателя Элиаса Канетти. Оба художника создавали образ времени по-своему самобытно, не меняя в течение жизни ценностных ориентиров, по сути они упрямо писали об одном и том же, что дает основания рассматривать их творчество в виде единого текста. Оба писателя воспринимали современный мир «как царство обезличенности» [Зверев, 1990, с. 42], поэтому в их произведениях так много трагизма, несмотря на то что природа трагического у каждого из них сугубо индивидуальна. Канетти и Платонов далеки от того, чтобы представить на обозрение только межличностные отношения на фоне исторических событий, их интересуют не бытовые проблемы, а проблемы бытия. Этим объясняется тот факт, что оба художника обращаются в своем творчестве к мифу.

Так называемый «анималистический контекст» в творчестве Канетти неоднократно попадал в поле зрения канеттиведов [Timmermann, 1985; Шастина, 2014 и др.]. То же самое можно сказать и о Платонове: тема «смешения живых существ» хорошо изучена как в зарубежном, так и в отечественном литературоведении [Баршт, 2000; Баршт, 2015; Гюнтер, 2011; Тимофеева, 2010 и др.]. Однако до сегодняшнего времени не предпринимались попытки сопоставления анималистического контекста произведений Платонова и Канетти. Провозглашенное обоими авторами гуманное отношение к «братьям нашим меньшим» звучит в технократический век еще более остро, чем прежде, поскольку это призыв оставаться людьми при любых условиях. Заметки обоих писателей, выбранные авторами статьи в качестве эпиграфа, указывают на тот факт, что и Канетти, и Платонов видят в животных родственные души, без которых человеческая суть «скудеет» и мир в итоге обречен на гибель. Таким образом, оба писателя выступали против преобладающей в европейской философской традиции теории, согласно которой мир животных и мир человека отделены друг от друга непреодолимой пропастью [Тимофеева, 2011]. К. А. Баршт, формулируя антропологическую концепцию Платонова, обращает внимание на то, что очевидные «градуальные» переходы между «человеком, животным, растением и минеральным веществом» являются основой его особого антропоморфного восприятия животных [Баршт, 2000].

У Канетти животные выигрывают при сравнении с человеком, более того, писатель считает, что о человеке можно судить по его отношению к животным, человек призван стать «мерилом всех животных» (*“Der Mensch ist das Maß aller Tiere”*) (курсив здесь и далее принадлежит Канетти) [Canetti, 2005, S. 47]. Канетти иронизирует над человеческим родом, метафорически опровергая дарвиновское учение об эволюции, о превращении животного в *homo sapiens*, он предрекает следующую развязку многовековой истории людей и животных: «Новые, существенные открытия в изучении животных возможны лишь потому, что мы основательно поутратили нашего высокомерия в качестве венца творения Божьего. Выявляется, что мы, скорее, последняя тварь Господня: палачи Бога и мира сего» [Канетти 1990а, с. 296].

В последние десятилетия, особенно в зарубежной науке, наметился возрастающий интерес к так называемой «антропологической анималистике» («*human-animal studies*»), которая включает в себя самые различные подходы к осмыслению взаимоотношений человека и животного. Очевидно, что «животное» — одна из «базовых онтологических категорий, причем одна из самых продуктивных, поскольку позволяет задействовать наи-

более разнообразные и детализированные режимы метафоризации» [Михайлин, 2013]. Данная установка представляется важной для настоящего исследования анималистического контекста Канетти и Платонова.

2. «“Человек” для него больше не чудо. Чудо для него “животное”»

Эпиграфом к книге Канетти «О животных» (“Über Tiere”), которая была опубликована после смерти писателя, взяты его слова: «Всякий раз, стоит внимательно понаблюдать за животным, возникает ощущение, будто человек, который сидит в нем, посмеивается над тобой» [Канетти 1990а, с. 252]. Книга представляет собой подборку фрагментов из разных по жанру произведений, в которых фигурируют животные. Из отрывков складывается своеобразный «анималистический контекст» Канетти: «кровожадный тигр» из китайской мифологии, который, охотясь на людей, «облекся в кожу и одежду молодой девушки» [Канетти, 1988, с. 171]; «красный петух» — огонь, поглотивший главного героя романа «Ослепление» и его бесценную библиотеку, а также «герой» сна Петера Кина («Ослепление»); верблюды, красивые и гордые животные, подобно людям не терпящие одиночества и страдающие в предчувствии гибели («Голоса Марракеша») [Canetti, 2004, S. 53]; сказочные вервольфы из детских воспоминаний и хищные волки, нападавшие на людей, образ рано умершего отца в маске волка («Спасенный язык») [Canetti, 1994, S. 53]; «анималистические зарисовки» известных современников: так, в образе «большой и красивой птицы, но с подрезанными крыльями» предстает Герман Брох: *Ich sah ihn als einen großen, schönen Vogel, aber mit gestutzten Flügeln* («Перемигивание») [Canetti, 2002, S. 93] и т. д.

В этой своеобразной «энциклопедии животных» приведены многочисленные пассажи из книги «Масса и власть». Так называемое «омасовление» человека сближает последнего с животным миром. В данном случае речь не идет только лишь о «регрессивной метаморфозе» человека, напротив, Канетти подчеркивает, что человек и животное равны изначально, поэтому для автора естественно сравнивать людскую массу со стаей: «Стая — это группа возбужденных людей, жаждущих, чтобы их *стало больше*» [Канетти, 2012, с. 121].

Отдельного разговора заслуживают заметки, которые практически ежедневно на протяжении длительного периода ложились на бумагу, являясь для автора возможностью высказаться, не ограничивая себя никакими условностями. В них Канетти оттачивает мастерство афоризма: продолжая традиции К. Лихтенберга, он привносит в этот жанр неповторимый канет-

тиевский сарказм. Априори «Заметки», датированные 1942 годом, «вписываются» в контекст времени: «Величайшее мое желание — увидеть, как мышка живьем пожирает кошку. Но она должна еще и вволю поиграть с ней» [Канетти, 1990а, с. 251]; «Придумать для себя, что похвального могли бы животные найти в человеке» [Там же, с. 268].

Для Канетти «животное» становится своеобразной мерой человечности, метафоризация животного носит «абсолютный» характер: «Слово “животное” ... вся человеческая недостаточность в этом одном слове» [Канетти, 1990б, с. 328]; «У тебя ни одного друга среди животных. Полагаешь, что это жизнь» [Там же, с. 352].

Включая в контекст животных, Канетти ведет разговор о главных проблемах своего времени, в частности, речь идет о «провале коммуникации», когда люди говорят, не слыша себя и собеседника: «Меньше ли страха у животных оттого, что они живут без слов?» [Канетти, 1990а, с. 272].

Канетти создает свой «театр абсурда», когда реальность погружает в мир фантазий, а фантастическое становится действительностью. Немецкий литературовед П. фон Матт считает Канетти непревзойденным мастером «фантастического афоризма» [Matt, 1995, S. 77—78]: «Там у них змеи за предков; они заботятся о них и гибнут от их укусов» [Канетти, 1990а, с. 293].

Интересны канеттиевские «перевертыши», и это не просто каламбур: поменяв местами человека и животное, автор демонстрирует уязвимость человека, слова Канетти звучат предостережением от возможных «поворотов истории»: «Пес снял с хозяина намордник, но оставил его на поводке» [Там же, с. 304]; «Гигантские паутины для людей. По краям осторожно усаживаются животные и наблюдают за попавшимися людьми» [Там же, с. 312].

Закономерно, что на страницах романа «Ослепление» почти отсутствуют «реальные» животные, как, впрочем, практически нет и описаний природы. Главного героя-синолога Петера Кина, для которого единственной ценностью является его библиотека, не интересует окружающий его мир. Он рассуждает об обычае паломников-буддистов выкупать плененных животных, оставаясь при этом равнодушными к их судьбе: «Речь ведь идет только о животных. А к ним можно быть безразличными» [Канетти, 1988, с. 235—236]. Кин полагает, что если заменить «этих до смешного глупых животных книгами», то сей поступок «приобретает высочайшую нравственную ценность» [Там же, с. 236].

«Анималистический контекст» Канетти заполнен людьми, границы между животным и человеком стерты, более того, «каждое животное может быть воспринято как потенциальный человек» (“jedes Tier als ein potentieller Mensch angesehen worden wäre”) [Timmermann, 1985, S. 114], и наоборот, от-

дельные персонажи, например, романа «Ослепление» чувствовали бы себя гораздо удобнее в шкуре дикого зверя. Так, отставной полицейский Пфэфф, речь которого напоминает звериное рычание, именуется в романе «хищным зверем», «львом в логове», он сравнивает себя с «рыжим котом», готовым расправиться с каждым, кто отказывается ему подчиняться. Его заветная мечта — стать владельцем зоологического магазина.

В книге «Масса и власть» Канетти подробно останавливается на свойствах массы, при этом в качестве иллюстрации часто обращается к миру животных. То, что человек способен на различного рода метаморфозы, превращения, является, по мнению Канетти, его главной отличительной чертой от животного.

В романе «Ослепление» Георг, брат главного героя, размышляет о том, что истинной движущей силой истории является «стремление человека раствориться в некоем более высоком разряде животного мира, в массе, потерявшись в ней до такой степени, словно человека-одиночки вообще никогда не существовало», он сравнивает массу с «чудовищным, диким, могучим и жарким животным»: «Несмотря на свою древность, она — самая молодая живая тварь, самое важное творение земли, ее цель и ее будущее» [Канетти, 1988, с. 439—440].

3. Анималистический контекст Платонова и Канетти

По мнению О. Тимофеевой, при желании на материале прозы Платонова можно было бы «составить уникальный бестиарий». Свою задачу отечественный философ видит в том, «чтобы выделить некую обобщенную фигуру платоновского животного как форму локализации “бедной жизни” и поместить ее в конкретную политико-онтологическую перспективу» [Тимофеева, 2010].

Х. Гюнтер подчеркивает, что для Платонова типичны разные виды антропоморфности, при которых проявляются «прогрессивные» и «регрессивные» метаморфозы. В первом случае имеется в виду, что животные могут приближаться к человеку, при регрессивных метаморфозах человек деградирует, превращаясь в животное [Гюнтер, 2011].

Исследователи творчества Платонова неоднократно отмечали, что особое антропоморфное восприятие животных связано у писателя с детским возрастом [Баршт, 2000; Гюнтер, 2011], его детские рассказы, благодаря «анималистическим мотивам», расширяют возрастные рамки читательской аудитории. Например, в рассказе «Корова» животное, потерявшее теленка-сына, испытывает поистине человеческие страдания: «Корова не понимала, что можно одно счастье забыть, найти другое и жить опять, не

мучаясь более» [Платонов, 1985б, с. 247]. В связи с этим напрашивается параллель с Канетти, который противопоставляет мир взрослого человека, в данном случае ставший ему чужим мир матери, и ребенка, самого себя: “мир матери без животных” (*tierlose Welt der Mutter*) и мир ребенка, который испытывает «голод», тоску по животным (*ausgehundert nach Tieren*) [Canetti, 2002, S. 109].

В 1934 году Платонов с группой советских писателей направляется в Туркмению: под впечатлением от двухмесячного пребывания в азиатской стране появляется фантастическая повесть «Джан» [Платонов, 1985а, с. 7—115], действие в которой разворачивается в пустыне вокруг небольшого племени, обреченного на вымирание. Полные трагизма сцены с верблюдами у Платонова созвучны описанию животных в главе «Встречи с верблюдами» (“*Begegnungen mit Kamelen*”) в книге Канетти «Голоса Марракеша» (“*Die Stimmen von Marrakesch*”) [Canetti, 2004], которая также явилась результатом поездки автора в 1954 году в далекую африканскую страну. Сравним:

«Несколько дней Чагаев потратил на блуждание по этой своей детской стране, чтобы найти людей. Верблюд самостоятельно *ходил за ним следом, боясь остаться один и заскучать; иногда он долго глядел на человека, напряженный и внимательный, готовый заплакать или улыбнуться и мучаясь от неумения*» [Платонов, 1985а, с. 27].

«На следующий день Чагатаев и Суфьян вышли с места, чтобы найти пропавших людей. *Верблюд тоже пошел за ними, боясь одиночества*, как боится его любящий человек, живущий в разлуке со своими» [Там же, с. 29].

«Они взяли с собой верблюжьего мяса, но Чагатаев ел его без аппетита: ему было трудно питаться *печальным животным; оно тоже казалось ему членом человечества*» [Там же, с. 33].

“Da sah ich <...> eine große Karawane von Kamelen. <...> Wir betrachteten sie eingehend und siehe, *sie hatten Gesichter*. Sie waren sich ähnlich und doch sehr verschieden” [Canetti, 2004, S. 9] (Тут я увидел большой караван верблюдов. Мы долго рассматривали их: *у них были лица*. Они были похожи друг на друга и в то же время отличались друг от друга. — перевод Е. Ш.)

“*Das Kamel ist nicht gern allein. Allein geht es nirgends hin*. Wenn ein Mann sein Kamel in die Stadt treiben will, muss er ein anderes finden, das mitgeht. Er muss sich eins ausleihen, sonst bringt er sein Kamel nicht in die Stadt. *Es will nicht allein sein*” [Там же, S. 13—14]. (*Верблюд не охотно остается один. Один он никогда не пойдет*. Если человеку нужно перегнать верблюда в город, то ему необходимо взять на время еще одного верблюда, который пойдет вместе с ним, иначе не получится довести верблюда до города. *Он не хочет оставаться один*). — перевод Е. Ш.)

В романе Канетти появляется гориллообразное существо, дружба с которым принесла молодому врачу Георгу Кину славу. Брат некоего банкира, превратившись в человека-гориллу, создал не только свой мир, но и свой собственный язык. Георг угадал в этом существе наличие мифического единения интеллекта и инстинктов. Петер и его жена Тереза говорят на разных языках, гориллообразного и его бывшую секретаршу, напротив, объединяет язык, который вносит в их союз гармонию. Человек-обезьяна не торопится вернуться в человеческий облик. Георг Кин понял это: «Он отказался от попытки исцеления. В свою способность превратить гориллообразного безумца снова в обманутого брата банкира он, видимо, верил, после того как овладел его языком. Но он остерегся преступления, на которое его подбивало только чувство внезапно обретенной власти» [Канетти, 1988, с. 499]. Таким образом, Канетти предлагает свою формулу жизни, согласно которой человек не становится животным, он лишь в облики животного находит желанную свободу. Его человек-обезьяна в большей степени человек, более того, в нем угадывается «божественное начало», потому как он обустроивает «свою Вселенную»: «...он вселил в две комнаты целый мир. Он сотворил то, что ему было нужно. И после своих шести дней, на седьмой, разобрался в этом. Вместо того чтобы почивать на лаврах, он подарил своему творению язык» [Там же, с. 431].

У Платонова отдельные персонажи превращаются в человекообразных обезьян, например, в повести «Котлован» — это «медведь-кузнец, в повести «Мусорный ветер» таких существ несколько — Лихтенберг и его супруга Зельда и др. К. А. Баршт высказывает предположение, что подобные превращения являются «откликом на научную программу известного русского и советского биолога Ильи Ивановича Иванова (1870—1932) по скрещиванию человека и обезьяны» [Баршт, 2015]. К. А. Баршт приводит различные точки зрения на явление гибридизации человека и животного у Платонова — от сюрреализма [Бродский, 1994] до продолжения кафкианских традиций превращения [Кеба, 2001] и т. д.

В любом случае, с учетом существующих исследовательских позиций, можно утверждать, что оба писателя проявляют «положительные» чувства к этим существам, оставляя им право на жизнь. За рамками настоящего исследования остаются проблемы евгеники и вопросы идеологического характера, которые связаны с моралью.

4. Выводы

«Анималистический контекст» в творчестве австрийского писателя Элиаса Канетти и русского писателя А. П. Платонова представляет со-

бой совокупность анималистических образов, созданных в течение всей творческой биографии обоими авторами. В произведениях разных жанров встречаются разновидности анимализма — от мифологических образов животных до гибрида человека и обезьяны. Анималистический контекст позволяет выявить своеобразие поэтики писателей, представляющих различные национальные культуры, с одной стороны, и вписать обоих авторов в мировой литературный процесс XX века, с другой стороны. Становление художественно-эстетических взглядов Канетти и Платонова пришлось на переломные моменты в истории обеих стран (Австрия и СССР), а также связано с событиями мирового масштаба. В основе разных форм антропоморфности и зооморфности лежит мировоззренческая установка художников на изначальное «равенство» человека и животного, об этом речь идет в «Записных книжках» Платонова и «Заметках» Канетти. В романе «Ослепление», в произведениях «Котлован» и «Мусорный ветер» общей темой является существование гибридных существ, за которыми оба автора сохраняют право на жизнь и созидание, кроме того, оба автора в полной мере используют метафоризацию в качестве основного метода «антропологической анималистики». В путевых заметках Канетти «Голоса Марракеша» и в повести Платонова «Джан» также присутствуют очевидные «схождения» анималистических образов. Выбранный в настоящей работе ракурс исследования позволяет исследовать анималистический контекст в сопоставительном аспекте, что позволяет сделать выводы, выходящие за рамки изучения творчества отдельного автора.

Источники

1. Канетти 1990а — *Канетти Э.* Из книги : «Заметки. 1942—1972» / Э. Канетти // Человек нашего столетия / пер. с нем. С. Власова ; сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова ; коммент. Р. Г. Каралашвили. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 250—309.
2. Канетти 1990б — *Канетти Э.* Из книги : «Тайное сердце часов. Заметки 1973—1985» / Э. Канетти // Человек нашего столетия / пер. с нем. С. Власова ; сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова ; коммент. Р. Г. Каралашвили. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 310—358.
3. *Канетти Э.* Масса и власть / Э. Канетти ; пер. с нем. Л. Г. Ионина. — Москва : Астрель, 2012. — 574 с.
4. *Канетти Э.* Ослепление / Э. Канетти; пер. с нем. С. Апта. — Москва : Художественная литература, 1988. — 496 с.
5. Платонов 1985а — *Платонов А. П.* Собрание сочинений в 3-х т. Т. 2 : Повесть, рассказы. 1934—1941 ; Размышления читателя. Статьи / А. П. Платонов; сост. и примеч. В. А. Чалмаева /. — Москва : Сов. Россия, 1985. — 528 с.

6. Платонов 1985б — *Платонов А. П.* Собрание сочинений в 3-х т. Т. 3 : Рассказы. 1941—1951 ; Драматические произведения ; Волшебное кольцо : Сказки ; Из ранних сочинений ; Из писем и записных книжек / А. П. Платонов ; сост. и примеч. В. А. Чалмаева. — Москва : Советская Россия, 1985. — 576 с.

7. *Canetti E.* Aufzeichnungen für Marie-Louise. Aus dem Nachlaß herausgegeben und mit einem Nachwort von Jeremy Adler / E. Canetti. — München-Wien : Carl Hanser Verlag, 2005. — 119 S.

8. *Canetti E.* Die geredete Zunge. Geschichte einer Jugend / E. Canetti. — Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, cop.1994. — 333 S.

9. *Canetti E.* Die Stimmen von Marrakesch. Aufzeichnungen nach einer Reise / E. Canetti. — München : Süddeutsche Zeitung — Bibliothek, 2004. — 110 S.

10. *Canetti E.* Über Tiere / E. Canetti // Mit einem Nachwort von Brigitte Kronauer. — München-Wien : Carl Hanser Verlag, 2002. — 119 S.

Литература

1. *Баршт К. А.* Медведь-кузнец из повести Платонова «Котлован» и опыты И. И. Иванова по созданию гибрида человека и обезьяны [Электронный ресурс] / К. А. Баршт // НЛЮ. — 2015. — № 136. — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/6/medved-kuznec-iz-povesti-platonova-kotlovan-i-opyty-ii-ivanova-.html>.

2. *Баршт К. А.* Человек, животное, растение, минерал. Антропологическая концепция А. Платонова / К. А. Баршт // *Euroa Orientalis*. — 2000. — № 19. — С. 97—168.

3. *Бродский И.* Предисловие к повести «Котлован» / И. Бродский // Андрей Платонов : Мир творчества. — Москва : Советский писатель, 1994. — С. 154—156.

4. *Гюнтер Х.* «Смещение живых существ» : человек и животное у А. Платонова [Электронный ресурс] / Х. Гюнтер // НЛЮ. — 2011. — № 111. — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111>.

5. *Зверев А.* Хвостовой вагон. Зарубежная проза — 1989 / А. Зверев // Литературное обозрение. — 1990. — № 1. — С. 39—45.

6. *Кеба А. В.* А. Платонов и Ф. Кафка : к проблеме типологии художественных форм в литературе XX века / А. В. Кеба // *Осуществленная возможность* : А. Платонов и XX век. — Воронеж : Полиграф, 2001. — С. 229—240.

7. *Михайлин В.* «Немножко лошади», антропологические заметки на полях анималистики. Обзор зарубежных книг [Электронный ресурс] / В. Михайлин, Е. Решетникова // НЛЮ. — 2013. — № 124. — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/124/29m.html>.

8. *Тимофеева О.* Бедная жизнь : зоотехник Високовский против философа Хайдеггера [Электронный ресурс] / О. Тимофеева // НЛЮ. — 2010. — № 106. — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/ti8.html>.

9. *Тимофеева О.* Зверинец духа [Электронный ресурс] / О. Тимофеева // НЛЮ. — 2011. — № 107. — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/107/ti18.html>.

10. *Шастина Е. М.* Антропологическая анималистика Элиаса Канетти / Е. М. Шастина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 3. — Ч. 2. — С. 200—203.

11. *Matt P. von*. Der phantastische Aphorismus bei Elias Canetti / P. von Matt // Wortmasken. Texte zu Leben und Werk von Elias Canetti. Beiheft innerhalb der 14bändigen Canetti-Kassette. — München : Carl Hanser Verlag, 1995. — S. 77—88.

12. *Timmermann H*. Tierisches in der Anthropologie und Poetik Elias Canettis / H. Timmermann. — Höllerer, 1985. — S. 99—126.

Animalistic Images in Prose by E. Canetti and A. P. Platonov

© **Shastina Elena Mikhailovna (2016)**, Doctor of Philology, professor, Department of German Philology, Kazan Federal University (Yelabuga Institute) (Yelabuga, Russia), e.shastina2104@gmail.com.

© **Seybel Nataliya Eduardovna (2016)**, Doctor of Philology, professor, Department of Literature and Methods of Literature Teaching, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia), seibel_ne@mail.ru.

Animalistic images in the prose of the Austrian writer, Nobel prize winner Elias Canetti (1905—1994) and the Russian writer A. P. Platonov (1899—1951) are discussed. Prose works of Canetti and Platonov belonging to different genres (notes, novel, story, essay) were compared. The authors use the term *animalistic context*, as in the works of Canetti and Platonov there are different types of representation of relations “man — animal,” various manifestations of animism, from mythological images of animals to “the mixing of sentient beings,” when the boundaries between man and animal are erased, which allows to make a conclusion about special anthropomorphic and zoomorphic perception of animals that characterizes both authors. The question about specificity of functioning of the animal images included in “animal context” of Canetti and Platonov is raised. Special attention in the description of the animal images is paid to the characteristics of progressive and regressive metamorphosis occurring with humans and animals. It is proved that the research of the work of Canetti and Platonov taking into account “animal context” seems relevant to detecting common patterns of development of European literature and culture of the first third of the 20th century.

Key words: animalism; animalistic context; anthropomorphism; zoomorphism; Canetti; Platonov.

Material resources

Canetti, E. 1990a. Iz knigi: «Zametki. 1942—1972»: per. s nem S. Vlasova. In: Pavlova, N. S. (sost.) *Chelovek nashego stoletiya*. Moskva: Progress. 250—309. (In Russ.).

Canetti, E. 1990b. Iz knigi: «Taynoye serdtse chasov. Zametki 1973—1985»: per. s nem S. Vlasova. In: Pavlova, N. S. (sost.) *Chelovek nashego stoletiya*. Moskva: Progress. Moskva: Progress. 310—358. (In Russ.).

Canetti, E. 1994. *Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, cop. (In Germ.).

Canetti, E. 1988. *Oslepleniye*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

Canetti, E. 2002. Über Tiere. In: *Mit einem Nachwort von Brigitte Kronauer*. - München/Wien: Carl Hanser Verlag. (In Germ.).

- Canetti, E. 2004. *Die Stimmen von Marrakesch. Aufzeichnungen nach einer Reise*. München: Süddeutsche Zeitung – Bibliothek. (In Germ.).
- Canetti, E. 2005. *Aufzeichnungen für Marie-Louise. Aus dem Nachlaß herausgegeben und mit einem Nachwort von Jeremy Adler*. München-Wien: Carl Hanser Verlag. (In Germ.).
- Canetti, E. 2012. *Massa i vlast'*. Moskva: Astrel'. (In Russ.).
- Platonov, A. P. 1985a. *Sobraniye sochineniy v 3 t., 2: Povest', rasskazy. 1934—1941; Razmyshleniya chitatelya. Statyi*. Moskva: Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).
- Platonov, A. P. 1985b. *Sobraniye sochineniy v 3 t., 3: Rasskazy. 1941—1951; Dramaticheskiye proizvedeniya; Volshebnoye koltsvo: Skazki; Iz rannikh sochineniy; Iz pisem i zapisnykh knizhek*. Moskva: Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).

References

- Barsht, K. A. 2000. Chelovek, zhivotnoye, rasteniye, mineral. Antropologicheskaya kontseptsiya A. Platonova. *Europa Orientalis*, 19: 97—168. (In Russ.).
- Barsht, K. A. 2015. Medved' -kuznec iz povesti Platonova «Kotlovan» i opyty I. I. Ivanova po sozdaniyu gibrida cheloveka i obezyany. *NLO*, 136. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/6/medved-kuznec-iz-povesti-platonova-kotlovan-i-opyty-ii-ivanova-.html>. (In Russ.).
- Brodskiy, I. 1994. Predisloviye k povesti «Kotlovan». In: *Andrey Platonov: Mir tvorchestva*. Moskva: Sovetskiy pisatel'. 154—156. (In Russ.).
- Gyunter, Kh. 2011. «Smesheniye zhivykh sushchestv»: chelovek i zhivotnoye u A. Platonova. *NLO*, 111. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111>. (In Russ.).
- Keaba, A. V. 2001. A. Platonov i F. Kafka: k probleme tipologii khudozhestvennykh form v literature XX veka In: *Osushchestvlyennaya vozmozhnost': A. Platonov i XX vek*. Voronezh: Poligraf: 229—240. (In Russ.).
- Matt, P. von. 1995. Der phantastische Aphorismus bei Elias Canetti. In: *Wortmasken. Texte zu Leben und Werk von Elias Canetti. Beiheft innerhalb der 14bändigen Canetti-Kassette*. München: Carl Hanser Verlag. 77—88. (In Germ.).
- Mikhaylin, V., Reshetnikova E. 2013. «Nemnozhko loshadi», antropologicheskiye zametki na polyakh animalistiki. Obzor zarubezhnykh knig. *NLO*, 124. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/124/29m.html> (In Russ.).
- Shastina, E. M. 2014. Antropologicheskaya animalistika Eliasa Kanetti. *Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 3 / 2. Tambov: Gramota. 200—203. (In Russ.).
- Timmermann, H. 1985. *Tierisches in der Anthropologie und Poetik Elias Canettis*. Höllerer. 99—126. (In Germ.).
- Timofeyeva, O. 2010. Bednaya zhizn': zootekhnik Visokovskiy protiv filosofa Khaydeggera. *NLO*, 106. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/ti8.html>. (In Russ.).
- Timofeyeva, O. 2011. Zverinets dukha. *NLO*, 107. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/107/ti18.html>. (In Russ.).
- Zverev, A. 1990. Khvostovoy vagon. Zarubezhnaya proza — 1989. In: *Literaturnoye obozreniye*, 1: 39-45. (In Russ.).